На этот вопрос пока никто не даст ответа. Нет прозрачности, нет информации, есть невнимание стран региона к экологической составляющей проектов инициативы «Пояс и путь». Как повысить осведомленность общества, как сотрудничать в оценке воздействия инвестиционных проектов ПиП – об этом шла речь на встрече в Алматы гражданских активистов, представителей академических кругов и медиа из семи стран – Афганистана, Казахстана, Кыргызстана, Монголии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана.

Напомним, что об инициативе «Пояс и путь» (Belt and Road Initiative, BRI) мир узнал из выступления главы КНР Си Цзиньпина в 2013 году в Астане. Инициатива охватывает более 70 стран, 63% населения мира и 40% мирового валового внутреннего продукта. Планируемый общий объем инвестиций – более $ 1 трлн.

В странах региона проекты ПиП уже реализуются, что и заставляет обратить внимание на экологические аспекты. Мнения участников встречи в Алматы не являются истиной в последней инстанции, но стоит прислушаться. Вопрос о влиянии проектов «Пояс и путь» на окружающую среду в Центральной Азии — не праздный.

Итак, мнения

Неправильно относиться к инициативе ПиП только как к инвестиционной. Происходит вовлечение развивающихся стран в модель Китая. «Пояс и путь» — это сценарий глобализации в конкуренции с моделью США. Кстати, лидеры стран «Большой семерки» в июне 2021 года договорились о запуске глобальной инициативы в сфере развития инфраструктуры для развивающихся стран с целью противодействия проектам Китая. Из чего следует, что оба лагеря будут соревноваться и на зеленом поле.

Платформы обеих инициатив широко очерчены, включают следование экологическим принципам, устойчивое развитие и контакты с общественностью. О реализации инициативы «Большой семерки»

пока рано говорить. А об экологических стандартах Китая пора. Внутри КНР экологические требования довольно жесткие. И потому китайский бизнес стремится экспортировать грязные производства (например, кожевенные) туда, где нет четких требований и прозрачной информации.

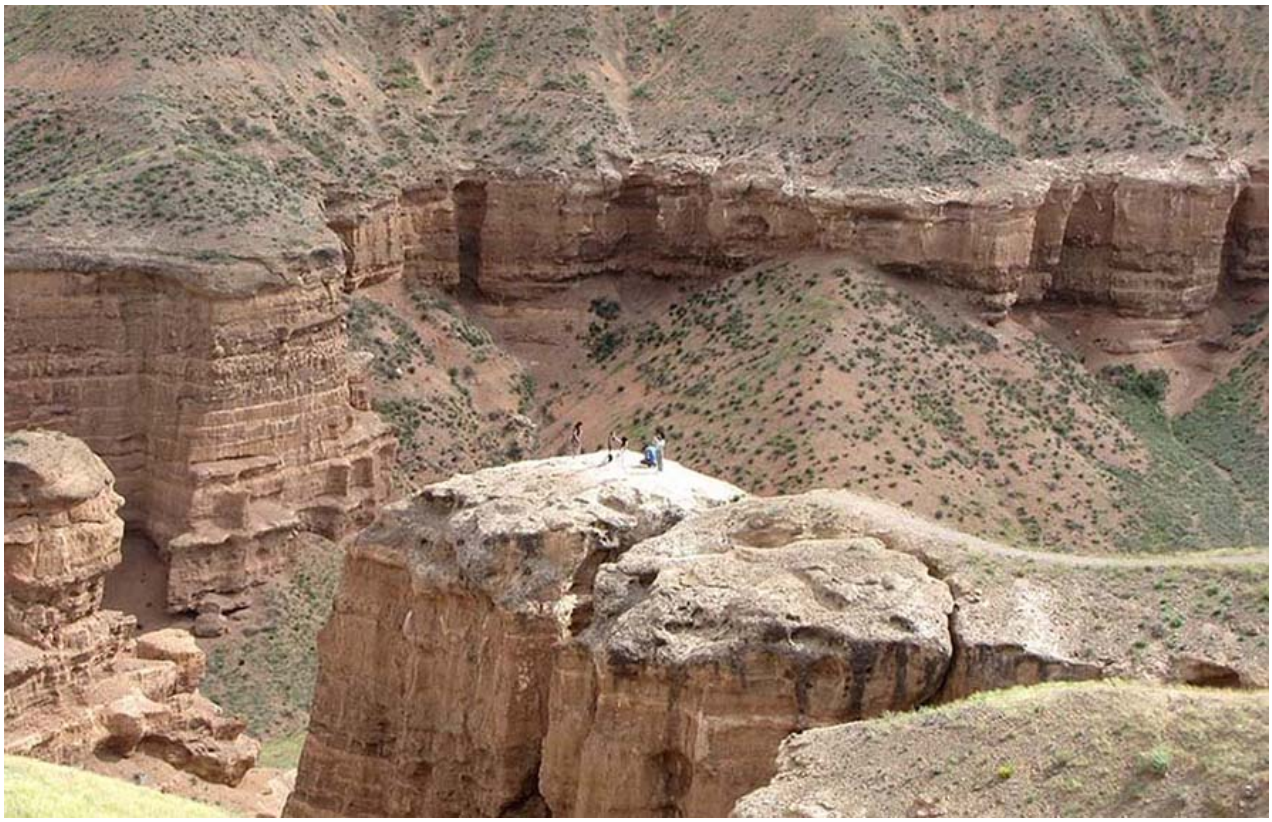
В Казахстане известно о 55 запущенных инвестиционных проектах. Но у общественности нет доступа даже к названиям. Учитывая, как принимаются решения в Китае и странах Центральной Азии, население узнает все постфактум.

Китай активно участвует в сооружении гидростанций. К ГЭС можно относиться по разному. Известна точка зрения, что гидроэнергетика – чистая. Между тем в 95 случаях из 100 гидросооружения неблагоприятны для речных экосистем. Меняется химический состав воды, ее геоморфологические свойства, страдают флора и фауна. В Центральной Азии – скудные водные ресурсы, мало рек, воспроизводящих экосистемы, и на воду слишком велики запросы. В общем, при строительстве ГЭС и плотин встречается разброс негативных последствий.

В самом Китае к строительству ГЭС относятся очень требовательно. Но китайские компании, выходя за рубеж, берутся за все. В развивающихся странах иная ответственность. Здесь многое позволяется. 70 процентов гидроэнергетики мира строят сейчас китайцы. Более половины объектов – проблемные.

В Казахстане такой проблемной оказалась Мойнакскская ГЭС на реке Чарын. В строительство вложился Банк развития Китая в объёме $200 млн. Проект станции был доработан Китайской международной корпорацией водного хозяйства и энергетики, ставшей генподрядчиком по строительству деривационного тоннеля и здания ГЭС. Мойнакская ГЭС введена в эксплуатацию в 2012 году.

Что не так с точки зрения экологии?

Вдоль реки на 154 км протянулся Чарынский каньон. Он находится на территории Чарынского национального парка. Каньон – памятник природы, сложен из осадочных пород, возраст которых 12 млн.лет. Негативное влияние ГЭС на реку и национальный парк очевидно: гибнут уникальные пойменные леса.

Почему так? При проектировании и строительстве не были соблюдены стандарты по доступу к экологической информации. Не проводились общественные слушания. Чиновники очень боялись спугнуть инвесторов. И вдобавок ко всему из оценки воздействия на окружающую среду они сознательно исключили ряд «малозначимых» компонентов, включая влияние на национальный природный парк.

Река Чарын.

В рамках инициативы «Пояс и путь» нет стратегии по управлению водными ресурсами. Вроде бы она обсуждалась, но не принята. Для самого Китая эта тема болезненная. С Россией у него сложности по Амуру, с Вьетнамом – по Меконгу, с Казахстаном – по Или и Иртышу… Вода становится прямым инструментом политического давления. Уже восемь лет ведутся разговоры о вододелении между Китаем и Казахстаном, а прогресс не заметен.

Тем временем в самом Китае активно строятся ветровые энергетические парки и солнечные станции, по мощности значительно превышающие мощности гидроэнергетики.

«Мы не говорим, что китайские проекты в странах Центральной Азии — плохо, – отмечали эксперты. – Но нельзя забывать о требованиях своего природоохранного законодательства, надо быть в контакте с банками, у которых есть механизм воздействия на инвестора, оценки ущерба».

Этот механизм действует в транснациональных компаниях, там можно обжаловать действия инвестора и потребовать возмещение ущерба. Желаемое в отношении китайских партнеров не сработает из-за сниженных стандартов. Потому-то и важна прозрачность, предусмотренная Орхусской конвенцией о доступе к информации. Есть страны, которые под ней не подписались, в частности, Узбекистан, зато национальным законодательством предусмотрены доступ к экологической информации, общественные слушания.

Говорилось еще об одной инициативе на зеленом поле Центральной Азии и далее: расширении Евразийского экономического союза.

На фото: Алматы.

В ЕАЭС вошли Казахстан и Кыргызстан, а Узбекистан в нем в качестве наблюдателя. Среди основных целей объединения — межгосударственная интеграция, модернизация, кооперация, повышение конкурентоспособности национальных экономик. Что касается общих экологических стандартов, то они еще не выработаны. Когда ЕАЭС их примет, на «зеленом поле» появятся иные внутренние обязательства, в том числе и по проектам китайской инициативы.

То, что противоречия между участниками этого союза были и будут, не исключено. Один из спорных объектов – планируемая атомная станция в Узбекистане. Она вызывает беспокойство и внутри страны, и у соседей. При ее дороговизне будут ли соблюдены высокие требования к безопасности? Ни у кого не поднимется рука вычеркнуть при оценке воздействия на окружающую среду «малозначимые» компоненты?

Участники встречи в Алматы делились мыслями о необходимости создания региональной платформы экологической экспертизы и о роли гражданского общества в создании такой платформы. «Лица, принимающие решения, думают, прежде всего, о развитии экономики. Экологическая составляющая инвестиционных проектов – слабое звено». И снова речь шла о китайских инвесторах, ведь они не за порогом. Они уже пришли.

Какие инвестиционные проекты в рамках Инициативы «Пояс и путь» реализуются в Узбекистане?

Информация об участии Узбекистана в инициативе «Пояс и путь» имеется. Но и здесь без деталей. По итогам августовского заседания 2019 года Межправительственного комитета по сотрудничеству Республики Узбекистан с Китайской Народной Республикой подписаны соглашения, меморандумы и прямые контракты на общую сумму в 4,3 млрд. В списке 54 проекта, в том числе по гидроэнергетике, в сфере IT и др.

Расширяется доступ Китая к стратегическим ресурсам. Так, Пекин уже имеет доступ к запасам нефти и газа Узбекистана. Проложено три нитки газопровода. Узбекистан привлечет свыше $600 млн. у Китая и других стран для увеличения добычи углеводородов (об этом сказано в Постановлении Президента от 4.4.2020г). Крупные инвестиционные проекты связаны с транспортными коридорами. Китайские компании также активно вовлечены в различные проекты в сфере энергетики. На 1 января 2020 года в стране зарегистрировано 1652 компании, созданные предпринимателями из Китая.

Пестициды поставляются через свободный рынок. Список разрешенных пестицидов периодически обновляет Государственная комиссия по средствам химизации и защиты растений РУз. Но при ослаблении таможенного контроля на узбекский рынок попадают пестициды, не проверенные на безопасность.

Информация в СМИ Узбекистана о проектах ПиП, в основном, позитивна и не касается экологических аспектов. Однако время от времени СМИ все же поднимают вопросы экологической составляющей проектов и рисков при реализации.

Один из главных рисков – нерешенные водные проблемы в Центральной Азии. Из-за них отношения между странами нестабильны. Узбекистан – один из главных партнеров Китая в Центральной Азии — зависит от трансграничных рек процентов на 80. В условиях изменения климата и таяния ледников проблема усугубится. Расчет на поставки сельхозпродукции из Узбекистана в Китай может не оправдаться.

Для Узбекистана риски аналогичны рискам в других странах инициативы. По данным аналитиков, 23 страны из семи десятков рискуют попасть в долговую зависимость от Китая. Страны, которые не в состоянии погасить свой долг, продают доли в финансируемых Китаем проектах или передают управление ими китайским государственным предприятиям. В Центральной Азии в такой ситуации уже находятся Кыргызстан и Таджикистан. Узбекистан, благодаря продаже золотовалютных запасов, еще не попал в угрожающую долговую зависимость. «Узбекистан пока накопил только $8 млрд китайских инвестиций, но планы у страны грандиозные», — так писали журналисты в сентябре 2019 года, сообщая о новом соглашении на $4,3 млрд.

Рост долга для Узбекистана чреват, как и для других стран ЦА, потерей собственности на свои природные богатства.

В значительной степени природные богатства уже эксплуатируются в интересах Китайской Народной Республики. Поставки газа ведутся в ущерб газификации сельских районов. Население вынуждено вырубать саксаул и другую растительность для отопления. В результате усиливаются процессы опустынивания, нарушается природный баланс, усугубляются последствия изменения климата. Это является серьезным экологическим риском для страны, особенно, если учесть, что запасы газа в недрах не безграничны.

Ослабляют требования к проектам преференции, установленные законодательством иностранным компаниям в свободных экономических зонах.

Законодательство Узбекистана ставит предприятия в свободных экономических зонах в исключительно благоприятные условия. Закон «О свободных экономических зонах» в Узбекистане был принят в 1996 году. В феврале 2020 года принят Закон «О специальных экономических зонах». Статьей 15 определены общие требования к инвестиционным проектам, предлагаемым для реализации на территории специальных экономических зон.
К ним относится соответствие требованиям законодательства в ряде сфер, в том числе — экологии и охраны окружающей среды. В реальности такие зоны бесконтрольны. Права экологов ограничены.

Карантинные ограничения в связи с пандемией коронавируса в 2020 году привели к сокращению внешнеторговых связей, транспортного сообщения и задержкам в реализации инвестиционных проектов в Узбекистане. На совещании 14 октября 2020 года Президент подверг критике выполнение «дорожной карты» и отсутствие системной работы в этом направлении.

Ответственным лицам были даны поручения по пересмотру всех совместных проектов, подготовке обновленной «дорожной карты» по их ускоренной, качественной и своевременной реализации, а также разработке новых перспективных программ. Министерству инвестиций и внешней торговли поручено сформировать новые проекты, направленные на привлечение прямых инвестиций из Китая. Про экологическую составляющую проектов на совещании не говорилось. Во всяком случае в информации МИДа о ней ни слова.

Законодательством Узбекистана облегчены процедуры прохождения инвестиционных проектов. Предусмотренные законодательством общественная экологическая экспертиза и общественные слушания не проводятся. Проекты непрозрачны. Не исключено, что государственная экологическая экспертиза проходит по облегченному сценарию в связи с выводом ряда объектов из ее поля зрения согласно новому Положению «Об экологической экспертизе». Документ пересмотрен «в целях создания более благоприятных условий для развития деятельности субъектов предпринимательства, повышения эффективности проводимых реформ по созданию максимально благоприятного делового климата».

Региональная платформа экологической экспертизы реальна?

«Отсутствие жестких критериев в странах региона ведет к тому, что сюда могут попасть и попадают экологически грязные объекты с устаревшими технологиями. Барьером может стать региональная платформа экологической экспертизы!» О ней говорили на встрече в Алматы представители гражданского общества. А дальше что? Гражданское общество при всех надеждах на него хоть и есть, но реального влияния на экологическую позицию своих стран не имеет. Почти не имеет. Примеры попыток повлиять приводились в ходе обсуждения. Это и судебные процессы, и акции, резонансные выступления в СМИ, в социальных сетях, петиции. И при этом чаще всего «увы»…

Почему гражданское общество не в силах повлиять на качественный запуск проектов, не говоря уже о их мониторинге? Его представители назвали ряд причин. Как оказалось, в разных странах региона они идентичны. Активистов немного. Экологическая проблематика сложная. Законодательство противоречивое. Взаимодействие госорганов и гражданского общества зачаточное. Нужно сообщество практиков. А формировать его надо, начав с просвещения. И не только активистов, инвесторов тоже. Какие шаги предпринять, чтобы войти в страну, какие бонусы проект принесет обществу, каковы требования природоохранного законодательства, каковы формы участия общественности в продвижении проекта?

Население тоже надо просвещать, ведь оно при вынужденном переселении из-за проектов ПиП имеет право на компенсацию, на доступное жилье.

Организаторы встречи в Алматы — неправительственные организации Казахстана Ассоциация Арго и Социально-экологический фонд – фиксировали предложения, поступавшие и оффлайн, и онлайн. Они считают, что широкое обсуждение проблем — импульс для будущего сотрудничества.

Инвестиционных проектов много, а будет еще больше. Повышение общественной осведомленности о них – благо для каждой страны и всего региона.

Наталия ШУЛЕПИНА,

фото автора.

Источник — nuz.uz

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Телеграме

Следите за новыми материалами, экологическими новостями и публикациями.

Перейти
На главную В рубрику

Оставить комментарий Отменить ответ

Читайте также

Еще статьи из Вода

Вода

Для безопасности плотин в Центральной Азии

02.09.2026
266 просмотров

Для обучения специалистов создается Академия безопасности гидротехнических сооружений. В ЦА насчитывается свыше 1200 плотин, из них 110 относится к разряду больших.

Вода

Насколько полны были Амударья, Сырдарья и водохранилища на этих реках в июле 2026 года

13.08.2026
663 просмотров

Фактическая приточность к верхним водохранилищам была больше прогноза, в том числе к Токтогульскому водохранилищу на 202 млн.м3, к Андижанскому на 10 млн.м3, к Чарвакскому водохранилищу на 192 млн.м3.

Вода

Три канала Центральной Азии включены в реестр Всемирного ирригационного наследия в 2026 году

11.08.2026
493 просмотров

Получили признание Международной комиссии по ирригации и дренажу ирригационная система «Халифа Хасан» в Таджикистане и каналы «Даргом» и «Шохруд» в Узбекистане.